

Валентин Дмитриевич Черный
Valentin Dmitrievich Cherny
доктор культурологии, профессор,
Dr.Habil. in cultural studies, full professor,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)
Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
tchernie@rambler.ru

ИНОСТРАНЦЫ О ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ И ОБРЯДАХ МОСКОВИИ FOREIGNERS ABOUT THEATRICAL CEREMONIES AND RITUALS OF MUSCOVY

Рассматриваются особенности восприятия иностранцами театрализованных церемоний и обрядов в Московии. Наблюдая за торжественными встречами посольств и религиозными обрядами, авторы отмечают характерные особенности театрализации зрелищ и выражают свое к ним отношение. Они оценивают этапы подготовки и проведения церемоний, роль участников и художественную организацию праздников. В центре внимания иностранцев оказались торжественные встречи посольств и почетных гостей и два религиозных обряда – «Шествие на ослиати» в последнее воскресенье перед Пасхой и «Водосвятие» в день Крещения Иисуса Христа. В записках путешественников четко обозначаются границы «сценического пространства», направление действия, оформление главных сцен и «реквизит» главных героев зрелищ. Не остается незамеченным вопрос о связи театрализованных церемоний со зрителями.

Ключевые слова: театрализация, иностранцы, церемония, зрелище, восприятие

Для цитирования: Черный В.Д. Иностранцы о театрализованных церемониях и обрядах Московии // Артикульт. 2024. №3(55). С. 15-23. DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-15-23

The peculiarities of foreigners' perception of theatrical ceremonies and rituals in Muscovy are considered. Observing the solemn meetings of embassies and religious ceremonies, the authors note the characteristic features of the theatricalization of spectacles and express their attitude to them. They evaluate the stages of preparation and holding of ceremonies, the role of participants and the artistic organization of the holidays. The center of attention of foreigners was the solemn meetings of embassies and honored guests and two religious ceremonies – the “Procession on a donkey” on the last Sunday before Easter and the “Water Consecration” on the day of the Baptism of Jesus Christ. The travelers' notes clearly indicate the boundaries of the “stage space”, the direction of the action, the design of the main scenes and the “props” of the main characters of the spectacles. The question of the connection of theatrical ceremonies with the audience does not remain unnoticed.

Keywords: theatricalization, foreigners, ceremony, spectacle, perception

For citation: Cherny V.D. “Foreigners about theatrical ceremonies and rituals of Muscovy.” *Articult.* 2024, no. 3(55), pp. 15-23. (in Russ.) DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-15-23

Театральность – исключительно емкое понятие. Значение его выходит далеко за границы театрального мира. Театральность была присуща разным формам деятельности и эпохам. Она активно вовлекала в действие тех, на кого была ориентирована [Круглый стол..., 2011, с. 219-233]. Смысл зрелищных представлений изначально был направлен на воссоздание образа некоего события, дополненного современным к нему отношением [Кудашов, Джинджолия, 2020, с. 79].

Театрализации были подвержены политические и религиозные мероприятия в русских городах, особенно после восстановления государственности в конце XV века, когда в Россию хлынул поток иностранцев. Почти ничего не знавшие ранее о своем восточном соседе, европейцы с большим интересом отнеслись к загадочной для них стране, прозванной Московией. В свою очередь, московские власти также стремились предстать перед своими новыми партнерами в привлекательном свете, устраивая посольствам и знатым иноземцам торжественные встречи, приемы, приглашая гостей на доступные публике уличные молебны, шествия и праздники. При всем обилии литературы, посвященной изучению сочинений иностранцев о средневековой России [Западноевропейские авторы..., 2018], интересующая нас проблематика затрагивалась лишь в отдельных работах [Стенникова, 2006; Сазонова, 2015].

V.D. Chernyy *Foreigners about theatrical ceremonies and rituals of Muscovy*

С особой тщательностью готовились торжественные встречи посольств и знатных персон, главным образом сами церемонии. Вероятно, о зрелищных действиях, предназначенных для иностранцев, извещали заранее. Известно, что сроки вступления в столицу официальных лиц и знатных гостей могли переноситься, из-за чего они могли пропустить другие зрелищные мероприятия. Так, члены посольства голландского посольства 1675 г. были «опечалены» известием из Москвы о сдвиге даты приема делегации. Из-за этого они могли не попасть на праздник Водосвятия [Койэтт, 1900, с. 375]. В длительной подготовке таких встреч не было ничего удивительного – нужно было соответствующим образом экипировать и костюмировать тысячи участников шествия, конных и пеших, встречающих гостей горожан, украсить экипажи и коней. Маршрут передвижения, проложенный принимающей стороной, составлял несколько верст, все роли были четко расписаны. По свидетельству Орудж-бека Баята, на исходе XVI столетия побывавшего в России, день, «когда ко двору князя прибывает какой-либо принц или иностранный посол, общественным указом объявляется праздник». Горожанам предписывалось, что «каждый должен там появиться, одетый в самые лучшие и красивейшие одежды, чтобы пойти на место встречи у входа в город», а знатым вельможам на «красивых, ухоженных лошадях», покрытых львиными и тигровыми шкурами, было предписано сопровождать процессию [Россия и Европа..., 2007, с. 257]. Вся эта церемония должна была поразить вступающих в русскую столицу. Достижению этой цели был подчинен некий сценарий («роспись») [Таннер, 1891, с. 47], до деталей определявший последовательность и содержание церемонии. Основы различных русских придворных ритуалов были явно заимствованы из византийских церемониальных книг [Поляковская, 2011, с. 25-27, 289-290].

В центре процессии прибывающей делегации должна была оказаться карета посла (или иного сановитого лица). Ее нередко присылал гостю царь [Мейерберг, 1997, с. 80]. Как правило, «колымага» имела значительные размеры и «была весьма красиво и искусно отделана, как театр, позолочена и убрана золотой парчой, внутри лежали подушки, унизанные жемчугом, и даже колеса ее были вызолочены» [Масса, 1936, с. 129]. Под стать карете были кони, как правило, белые, числом от шести до двенадцати. Француз на русской службе Жак Маржерет так описал въезд Марины Мнишек в Москву: «В ее карету впряжены были десять ногайских лошадей, белых с черными пятнами, как тигры или леопарды, которые были так похожи, что нельзя было бы отличить одну от другой» [Маржерет, 2007, с. 170]. Для «знатнейших людей» посольства тоже выделяли порядка десяти белых лошадей. За ними следовали слуги с попонами из леопардовых шкур, парчи и красного сукна [Олеарий, 2003, с. 46].

Большая карета, щедро украшенная позолотой в сочетании с другими цветами – прежде всего с белым, красным и черным, формировали композиционный центр всего «поезда» [Словарь русского языка..., 1990, с. 88], как называли в эпоху средневековой Руси подобного рода караваны. Со всех сторон ядро колонны окружала охрана в роскошном одеянии, как посольская, так и принимающей стороны. Согласно описанию голландского купца Исаака Массы, неоднократно в первом десятилетии XVII в. бывавшего в Москве, процессия представляла собой эффектное зрелище. Возглавлял шествие военный отряд. При вступлении в 1606 г Москву «царицы» Марины Мнишек перед ее каретой гарцевали две команды вооруженных гайдуков. Они были облачены в синие кафтаны с серебряными «накладками» и белыми перьями на шапках [Масса, 1936, с. 131]. Основная часть роскошно одетых «телохранителей», числом около ста, замыкала шествие, «двести алебардщиков составляли как бы два крыла, с каждой стороны колымаги по сто». Поскольку торжественный поезд двигался очень медленно, его сопровождали пешие и конные «дворяне и вельможи». Масса счел нужным отметить их шитые золотом и жемчугами одежды, лошадей, увешенных золотыми и серебряными цепями и с унизанными драгоценными камнями седлами. Под стать господам были одеты слуги, «почти так же великолепно, как их господа» [Масса, 1936, с. 128]. В ряде случаев ближайшее окружение на марше составляла личная прислуга сановника, «спальники». Так было и при встрече посла Речи Посполитой князя Михаила Еже Чарторыйского и воеводы Полоцкого Казимира Еже Сапеги в 1678 г. Их кареты окружали 24 спальника, «обращавшие на себя внимание благородством коней и ярко красным цветом одежды». Такие же красные одежды были на трубачах, литаврщике и шестидесяти драгунах, шедших непосредственно перед послами [Таннер, 1891, с. 44-45]. Столь же красочно, по мнению члена этого посольства и автора

В.Д. Черный *Иностранцы о театрализованных
церемониях и обрядах Московии*

записок Бернгарда Таннера, смотрелась и встречающая сторона, где также преобладали костюмы красного цвета. Особое внимание Таннер обратил на «ангельский легион» – «новый, невиданный дотоле отряд воинов» в длинных красных одеяниях с прилаженными к плечам бутафорскими крыльями. Все они сидели на белых конях и держали в руках пики с драконами, «вертящимися на ветру». Как пояснил Таннер, «подобный описанному наряд с крыльями был и у поляков. Лица, видевшие подобные крылья в натуре, утверждают, что они состояли из орлиных перьев, воткнутых в небольшие брусочки, и держались на всаднике с помощью кожаных ремней или поясов». Перед гостями «спальники» устроили целый спектакль – они выразительно гарцевали, «не касаясь земли, перескакивали с одного седла на другое, выказывая такую ловкость, что все в изумлении залюбовались на их искусство». Очарованный зрелищем, автор с восторгом заметил: «Кто не подивился бы на такое чудное зрелище, того по справедливости я счел бы слепым и среди цветущего сада, полного всякого рода цветов» [Таннер, 1891, с. 45-47]. Отряд «ангельского легиона» («жильцов»), учрежденный еще Иваном Грозным, выполнял функции парадной гвардии. Он сопровождал царя при его торжественных въездах и выездах, встречах послов. Его представители выполняли функции гонцов и специальных порученцев [Назаров, 1975, с. 40-54], как бы намекая своим видом на связь государя с ангельским сонмом. Примечательно и то обстоятельство, что перу Ивана IV, склонного к «литературному маскараду», принадлежит «Канон Ангелу Грозному воеводе», написанный в 1573 г. под чужим именем [Лихачев, 1986, с. 361-378], как некая декларация своих «праведных» действий. Подобная роль за царскими гонцами сохранилась и в последующие годы.

Дополнительный эффект от пышно оформленной процессии, с ее «золотым» центром и преимущественно «красным» обрамлением, составляло звуковое сопровождение. Вплоть до Смутного времени при торжествах различного рода музыка не использовалась. На это не раз обращали внимание иностранцы. Уличные музыканты преследовались властями, а использование воинских инструментов – труб и литавр признавалось неуместным для «мирных или дружеских дел». Торжественный настрой создавал звон «несказанного множества колоколов с московских церквей» [Горсей, 1990, с. 160], в том числе самого большого, «который звонит особенным веселым звоном» [Известие путешественника..., 1867, с. 12]. Судя по запискам иностранцев, трубы и литавры при торжественных въездах в русскую столицу стали использоваться по инициативе поляков, сопровождавших «царскую невесту» Марину Мнишек. Об этом, в частности, писал голландский купец Ганс Георг Паерле, бывший очевидцем прибытия в Москву торжественного эскорта, и другие авторы. Паерле сообщил, что встречали «царскую невесту» польские гусары и барабанщики, а «у москвитян же не было никаких музыкальных инструментов» [Паерле, 1859, с. 181]. Согласно другому источнику, затрубили и забарабанили те, кого «посадили в theatrum [театр – лат.], построенный у крепости для совершения торжества по случаю ее счастливого прибытия» [Дневник Марины Мнишек, 1995, с. 47].

Позже и русские встречали почетных гостей музыкой. Вероятно, на первых порах не обошлось без привлечения иноземных музыкантов. Встречая в 1636 г. турецкого посла, уже били литавры, играли на волынке и трубили в трубы «что-то веселое» [Олеарий, 2003, с. 59]. Иногда посольства привозили своих музыкантов, которые не всегда могли найти согласия с местными трубачами. Такая ситуация была отмечена Таннером. При встрече посольских и местных музыкантов созвучия не получалось. По его словам, московские трубачи играли громче, «но несходным с нашими трубачами образом» [Таннер, 1891, с. 48]. Ритм движения процессий и перезвонов аксессуаров костюмов определяли царские «приставы», которые «приказывали ехать то быстрее, то медленнее» [Олеарий, 2003, с. 44]. В заданном ритме позвякивали и драгоценные цепи, которыми были украшены официальные лица и их кони. Подобные персонажи были с иронией описаны императорским послом Августином Мейербергом. Его явно раздражало, когда то один, то другой из «знатнейших» дворян, «словно павлин, развертывал всю пышность своего хвоста» – роскошного одеяния. Одновременно всадник «заставлял безобразно скакать свою лошадь в сбруе, в цепочках, опутанную колокольчиками и, благодаря потрясению от этих скачков, представлял ее нашим глазам со звоном, во всей ее целостности» [Мейерберг, 1997, с. 82]. Разумеется, вся «театрализованная постановка» торжественных встреч была рассчитана на две

V.D. Chernyy *Foreigners about theatrical ceremonies and rituals of Muscovy*

категории зрителей – иностранных участников действия и местных обывателей, в том числе царское семейство. Зрелища, включая торжественные въезды посольств, тщательно режиссировались, а реализация сценария обеспечивалась указом царя. От его имени организовывался сбор, расстановка и экипировка встречающих официальных лиц и необремененных такими функциями зрителей [Россия и Европы..., 2007, с. 257]. Важно было и в лучшем виде представить город и его жителей. Для этого соответствующим образом продумывался маршрут движения процессии и сопутствующий ему антураж. Это осознавали и прибывавшие в столицу иностранцы. Проницательный Таннер заметил, что их посольский «поезд» подвели к Москве так, чтобы «для похвальбы городом» открыть наилучший вид на «золоченые башни, дворцы и прочее великолепие» [Таннер, 1891, с. 43]. Частью городского пейзажа для въезжавшего в столицу посольства стали и нарядно одетые обыватели. Среди них автор выделил значительное число девиц, «которые приукрасили себя для встречи послов». Особенно его впечатлили налобные повязки, украшенные «золотом и серебром и с висящими кругом звездочками, так что нельзя шевельнуть головою без того, чтобы он не засиял лучами» [Таннер, 1891, с. 48].

Иногда послам удавалось согласовать изменение своего передвижения по столице. Об этом с удовлетворением сообщил секретарь императорского посольства 1698 г. Иоганн Корб. Процессия должна была приблизиться к центру города не по Живому мосту, находившемуся поблизости от Беклемишевской башни, а с другой стороны – через Каменный мост и Кремль. Такой маршрут позволил близко рассмотреть всех участников церемонии царице и царевнам [Корб, 1997, с. 59].

Надо думать, не был обделен возможностью наблюдать за торжественными въездами в Москву и главный зритель – царь. В одном из путевых сочинений начала XVII в. особо оговаривается ситуация, когда при подъезде к Китай-городу с проездной башни на посольство смотрел царь. По этой причине шествию «велено было остановиться на полчаса», чтобы он смог все лучше рассмотреть [Франкен, 1867, с. 49].

По сходному сценарию, но со своими особенностями, готовились и проводились царские выезды и въезды [Шапино, 2017, с. 103-121]. Разумеется, поход в монастырь имел соответствующую религиозную окраску – царя сопровождало множество представителей «черного» и «белого» духовенства. Они несли иконы, хоругви, кресты и фонари с зажженными свечами. Все эти атрибуты шествия были щедро украшены жемчугом и драгоценными камнями. Царя, облаченного в красный бархатный кафтан, сопровождали патриарх и другие иерархи «в дорогих белых ризах» [Франкен, 1867, с. 44].

О времени проведения этих церемоний участники и зрители, в том числе иностранные, оповещались заранее. О некоторых пунктах такой информации можно узнать из Донесения секретаря императорского посольства Адольфа Лизека. За несколько дней до своего путешествия в Троице-Сергиев монастырь царь через своих приставов не просто извещал, а приглашал посмотреть на его выезд из Москвы. Для лучшего обозрения этого проезда для послов в разных частях маршрута были устроены высокие подмости, «обитые зеленым сукном» [Лизек, 1837, с. 364].

Помимо торжественных въездов и выездов, иностранцы допускались, даже специально приглашались наблюдать за некоторыми календарными христианскими праздниками, которые проводились на открытом воздухе, «Вход Господень в Иерусалим» и «Богоявление».

Особый интерес иностранцы проявляли к празднованию Вербного Воскресения (Входу Иисуса Христа в Иерусалим), сопровождавшегося масштабным театрализованным действием на площади у Покровского собора. Эта тема отразилась главным образом в сочинениях иностранцев о России XVII столетия [Стенникова, 2004, с. 12-15]. Однако в многочисленных исследованиях этого зрелищного обряда [Стенникова, 2003, с. 106-111] сами средства театрализации специально не анализировались.

Примечательно, что до XVII в. этот обряд проводился в границах Кремля [Забелин, 2014, с. 467]. Проведение шествия в середине XVI в. описал неизвестный англичанин, служивший при царском дворе. Уже тогда вся процедура празднования имела развитые формы – коня «гримировали» под осла, срубленное дерево («словно растущее») унизывают плодами, на котором мальчики поют песни, а под ноги коня с сидящим на нем митрополитом дети расстилают одежды. Маршрут движения процессии был проложен от «одной церкви к другой по Кремлю» и завершился в «Царской церкви» [Описание России неизвестного англичанина..., 1884, с. 19].

В.Д. Черный *Иностранцы о театрализованных
церемониях и обрядах Московии*

Изменение места проведения действия и его сценографии было связано с целым рядом причин. В их числе обустройством значительной части площади, примыкавшей к главной проездовой башне Кремля – сооружением поблизости от нее Покровского собора в 1561 г., отдельный престол которого был посвящен Входу Иисуса Христа в Иерусалим, и надстройкой Спасской башни в 1624-25 гг. эффектным многоярусным шатром. Наконец, именно на этом участке с середины XVI столетия уже существовало Лобное место, как некий центр публичного пространства. Проведение здесь ритуального действия, несомненно, способствовало сакрализации этого места [Сазонова, 2015, с. 119-121] и отражало тенденцию превращения всей Красной площади во всенародный городской центр.

В своих описаниях иностранцы считают нужным охарактеризовать топографию места воссоздаваемого события. Точкой отсчета и завершения действия для иностранных зрителей был Кремль с его Спасскими воротами, откуда выходила процессия и куда она удалялась. По пути в «церковь, называемую Иерусалимом» царь вступал на «плоское возвышение, сложенное из камня», где молился перед вступлением вместе с патриархом в храм [Коллинс, 1997, с. 193]. Что проходило внутри церкви, где молебен продолжался час [Коллинс, 1997, с. 193] или полчаса [Франкен, 1867, с. 43], было скрыто от европейских зрителей. Таким образом, самая сокровенная часть обряда была доступна не всем. По этой причине иностранцы воспринимали этот обряд в большей степени как зрелище, а не как молебен. Если для православных пространство церемонии и находящиеся на нем объекты обретали сакральное значение, то для представителей иных конфессий это было зрелище, осуществляемое на фоне эффектных кулис. Для правоверных храм был алтарем, а Лобное место – амвоном [Лебедев, 1995, с. 298]. Для стороннего наблюдателя были все основания только снаружи воспринимать все основные объекты места проведения обряда. К этому располагали сами постройки – выразительным многоярусным силуэтом выделялась Спасская башня, сложной композицией и декором Покровский собор с приделом Входа в Иерусалим, вовсе мало приспособленный даже для проведения немногочисленных служб. Лобное место иностранцами осталось почти не замеченным. Некоторые из авторов рассматривали его как один из ориентиров места, где происходит действие. Например, поляк Михаил Обухович пояснил: «церковь стоит около ворот и театра», так обозначив все три объекта территории, где состоялось зрелищное представление. В данном тексте под «театром» подразумевалось Лобное место. Оно, по свидетельству автора, сверху было покрыто красным сукном, а ступени устланы «парчою и дорогими коврами» [Дневник Михаила Обуховича, 1991, с. 338].

Из реквизита, использованного в обряде, иностранцы выделяли облачение коня, на котором восседал патриарх, дерево, установленное на телеге, одежды участников обряда. Не ускользали от них и разного рода приемы, направленные на воссоздания картины важного библейского события.

Центральными фигурами шествия для них были патриарх (ранее, митрополит) в роли Христа и конь в «образе» осла. Еще в сочинениях XVI в. было замечено, что глава русской церкви сидит на лошади «с боку, как ездят верхом женщины». Как написал голландский путешественник Ян Стрейс, патриарх «сидел поперек лошади с дорогой сбруей, взнузданной и оседланной подобно ослу» [Стрейс, 1935, с. 179]. Для превращения лошади в осла ее покрывали белой тканью [Описание России неизвестного англичанина..., 1884, с. 19] или зашивали в белое полотно [Коллинс, 1997, с. 19]. При этом покровы обязательно дополнялись муляжом удлиненных ушей. Принимались меры по усмирению норова лошади: по ходу церемонии ее все меньше кормили, «дабы она, оставив всякую горячность, более походила на осла» [Дневник Михаила Обуховича, 1991, с. 338].

Неизменный интерес публики вызывало и довольно крупное дерево, прочно закрепленное «на очень большой и широкой, но весьма низкой телеге». Оно увешивалось разнообразными фруктами – яблоками, фигами и изюмом и прочими фруктами [Олеарий, 2003, с. 137]. Со второй половины XVII в. дерево начинают еще более обильно украшать искусственными листьями, цветами и муляжами фруктов [Забелин, 2014, с. 469-473]. При дереве, по свидетельству иностранцев, находилось от четырех до шести мальчиков в белых одеждах. Иногда их видели сидящими на дереве и поющими «Осанны», провозглашавшей «Спасение с Небес», то есть «делали то же, что и Евреи при входе Иисуса Христа» [Франкен, 1867, с. 41]. Некоторым из зрителей они казались изображавшими ангелов [Рейтенфельс, 1997, с. 374].

Зрители отмечали действия и других основных участников постановки. Они писали о детях, расстилавших свои цветные, преимущественно красные, одежды [Олеарий, 2003, с. 138] или «куски сукна разных цветов» [Донесения посланников..., 1902, с. 139] перед царем, ведущим сидящего на «осле» патриарха. Наряду с вербами, со второй половины XVII столетия и листьев пальмы, привезенных из Персии [Рейтенфельс, 1997, с. 374]. Проведение обряда сопровождалось звоном колоколов. По мнению одних звон был «веселым» [Франкен, 1867, с. 40], а других – «оглушительным» [Коллинс, 1997, с. 193].

Приглашение иностранцев на праздник осуществлялось от имени царя [Франкен, 1867, с. 39]. Им предоставлялись удобные места. Более определенно на этот счет высказался немецкий путешественник Адам Олеарий – «против ворот Кремля» [Олеарий, 2003, с. 137]. Более того, организаторы церемонии позаботились о хорошей видимости иностранными гостями происходящего, отодвинув толпу местных зевак и открыв перед ними зону обзора процессии [Франкен, 1867, с. 39; Олеарий, 2003, с. 137]. Таким образом, под звон колоколов европейцы смогли хорошо рассмотреть знакомый им по Евангелию сюжет с эффектными кулисами и целым рядом перевоплощений – патриарха в Христа, коня в осла, бутафорского дерева в пальму, веточки вербы в пальмовые листья, а детей на ней в ангелов.

Пожалуй, самой многолюдной была церемония, посвященная обряду Крещения (Водосвятия), которая проводилась на льду Москвы-реки. Если, по прикидке Олеария, на праздновании Входа Христа в Иерусалим присутствовало порядка 10 тысяч человек [Олеарий, 2003, с. 137], то на Водосвятии, по явно завышенным данным литовского офицера Самуила Маскевича, сославшегося на сведущих людей, публики было «от 300 до 400 тысяч» [Дневник Маскевича, 1859, с. 50]. Даже если уменьшить это число на порядок, этот праздник можно считать самым массовым. Огромное число участников театрализованного действия требовало от организаторов значительных усилий по обустройству территории и четкого отделения непосредственных исполнителей ритуала от зрителей. О решетках или перилах, «удерживающих народ», писали многие авторы. Голландец Бальтазар Койэтт описывает даже два ряда заграждений – одни вокруг места проведения церемонии, а другое «внутри ..., где поместился его царское величество с духовенством» [Койэтт, 1900, с. 380].

Центром композиции был квадратный деревянный помост, установленный рядом с прорубью, «в несколько шагов» длины и высоты [Франкен, 1867, с. 35], предназначенный для глав церкви и государства. Ранее, в XVI в., судя по запискам иностранцев, на возвышении находился только митрополит, а царь должен был оставаться внизу, на льду [Описание России неизвестного англичанина..., 1884, с. 35]. Уже в начале XVII в. на престоле было установлено два «седалища». Для патриарха предназначался более высокий трон, а для царя – «немного пониже» [там же]. Стоящее рядом с полыньей сооружение Обухович назвал «родом амфитеатра» [Дневник Михаила Обуховича, 1991, с. 340]. С театральной сценой сравнил помост и Койэтт, довольно подробно описав его. Ко второй половине столетия постамент обрел дополнительные украшения. Он уже напоминал большой «трон» с искусно вырезанными столбиками на углах и железными дугами с «золочеными головами», а наверху с «четырьмя или пятью» стеклянными башенками. На столбах висели восемь стеклянных горящих ламп, пол «трона» был устлан турецкими коврами, а ступени – красным сукном. Сень над тронами патриарха и царя с двух сторон прикрывали своего рода декорации – «ширмы с картинами» [Койэтт, 1900, с. 380]. Новое сооружение на месте проведения обряда Водосвятия появилось на исходе XVII столетия, когда «подле ограды поставлен был столп, превышавший городские стены». Стоявший на башне человек, «удостоенный этой почести от царя, держал знамя Царства», [Корб, 1997, с. 116] подобным образом демонстрируя государственную атрибутику и смещая на нее центр внимания зрителей.

Удивления иностранцев были достойны и сами процессии и их участники в роскошных и разнообразных одеждах с отделанными золотом и серебром оплечьями. Они несли большие иконы «с превосходно изображенными на них святыми», фигуры золотых херувимов на древках, огромное Евангелие и проч. [Франкен, 1867, с. 35].

По распоряжению царя представителям посольств выделялись удобные места, с которых можно было бы все близко рассмотреть [Франкен, 1867, с. 35]. За зрелищем наблюдали не только те, кто находился в непосредственной близости от участников церемонии. Им любовались зрители с отдаленной

В.Д. Черный *Иностранцы о театрализованных церемониях и обрядах Московии*

дистанции: «стены, окна, крыши, река и оба ее берега на большом протяжении покрыты бесчисленным множеством народа и красивыми рядами солдат» [Рейтенфельс, 1997, с. 373]. Отсюда можно было охватить взглядом всю панораму происходящего на льду Москвы-реки.

К началу XVIII в. церемония «Водосвятия» утрачивает черты традиционности и всенародного «спектакля». Голландский художник Корнелис де Брюйн отметил: «праздник этот в старину отправляли с гораздо большею торжественностью». Причиной снижения уровня празднования он назвал отсутствие на церемонии царя и знатных вельмож [Бруин, 1989, с. 57]. Изменилось и звуковое сопровождение церемонии. Раньше обряд совершался «при неумолкаемом звоне колоколов, пении священных песней и каждении благовониями». В Петровское же время конкуренцию им составили оружейные и пушечные салюты, строевые воинские марши [Корб 1997, с. 114], которые внесли диссонанс в действо.

Проведение торжественных встреч зарубежных посольств, царских въездов и выездов, с изысками оформленных ритуалов, стало актуальным после восстановления на Руси государственности, особенно после венчания Ивана IV на Царство. Все эти церемонии должны были достойно представить Царя, его державу и овеянные вековыми традициями обряды истинно христианской религии. Исходя из этих обстоятельств, иностранцы рассматривались московскими властями как желанные зрители. Сами иностранцы, преимущественно европейцы, получали от таких зрелищ наиболее яркое эмоциональное впечатление. Они воспринимали такие церемонии как своеобразный спектакль с подбранными декорациями и тщательно отрежиссированный. Судя по запискам путешественников, им были известны основные принципы формирования церемоний, выбор маршрутов передвижения с определенными кулисами, подбор аксессуаров и костюмирование действующих лиц. Наблюдая за проведением религиозных обрядов и будучи прекрасно осведомлены об их содержании, европейцы как представители иной, нежели православные, конфессии, не испытывали религиозных чувств. Для них с необыкновенной пышностью проводимые в Московии ритуалы были только театром.

ИСТОЧНИКИ

1. Бруин де К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Ленинград: Лениздат, 1989. – С. 17-188.
2. Горсей Д. Записки о России: XVI – начало XVII в. – Москва: Изд-во МГУ, 1990.
3. Дневник Марины Мнишек. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995.
4. Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Академии наук, 1859. – С. 11-114.
5. Дневник Михаила Обуховича // Иностранцы о древней Москве (Москва XV-XVII веков). – Москва: Столица, 1991. – С. 335-341.
6. Донесения посланников Республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Фан Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1902.
7. Известие о путешествии в Россию и Москву герцога Ганса Младшего Датского // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1867. Кн. 4. Отд. 4. – С. 1-56.
8. Койэт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / [Пер., вступ. ст. (с. I-XXVI), примеч. А.М. Ловягина]. – Санкт-Петербург: Археограф. комис., 1900.
9. Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии. – Москва: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. – С. 185-230.
10. Корб И.Г. Дневник Иоганна Георга Корба во время посольства Леопольда I в Московское государство // Рождение империи. – Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997.
11. Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. 16. № 11, отд. 2. – С. 327-394.
12. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи / Под ред. Ан. Бреловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. – Москва: Языки славянских культур, 2007.
13. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
14. Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. – Москва: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. – С. 43-184.
15. Олгарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск: Русич, 2003.
16. Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557-1558 годов при царском дворе // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1884. Кн. 4. Отд. 3. – С. 12-29.
17. Паерле Г. Записки Паерле о путешествии из Кракова в Москву и обратно, с 19 марта 1606 г. по 15 декабря 1608 г. / Пер. с нем. по рукописи; [предисл. и примеч. Н. Устрялова] // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. 3-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Тип. Академии наук, 1859. Ч. 1. С. 145-234, 396-420.
18. Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. – Москва: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. – С. 231-406.
19. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята - Дон Жуана Персидского / Пер. с англ., введ., коммент. и указ. О. Эфендиева, А. Фарзалиева. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007.
20. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 16. – Москва: Наука, 1990.
21. Стрейс Я. Три путешествия. – Москва: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935.
22. Таннер Б.Л. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. – Москва: Унив. тип., 1891.
23. Франкен И. Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII веке // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – Москва: Унив. тип., 1867. № 4. С. 1-72.

V.D. Chernyy *Foreigners about theatrical ceremonies and rituals of Muscovy*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – Москва: Институт русской цивилизации, 2014.
2. Западноевропейские авторы XV-XVII вв. о России: Материалы к библиографическому словарю / Сост. *Н.Д. Малыгин*. – Москва: ИА РАН, 2018.
3. Круглый стол «Театральность в границах искусства и за его пределами» // Новое литературное обозрение. 2011. № 111 (5). С. 219-230.
4. *Кудашов В.Ф., Джинджолия Д.Р.* «Театральность» как явление праздничной культуры. Эволюция понятия (историко-сравнительный анализ теоретических трудов XX-XXI веков) // Культурология. 2020. № 10. С. 76-82.
5. *Лебедев Л.* Богословие земли русской // Москва патриаршая. – Москва: Столица; Вече, 1995.
6. *Лихачев Д.С.* Канон и Молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого // Исследования по древнерусской литературе. – Ленинград: Наука, 1986. – С. 361-378.
7. *Назаров В.Д.* О структуре «государева двора» в середине XVI в. (жильцы в 1550-е годы) // Общество и государство феодальной России. – Москва: Наука, 1975. – С. 40-54.
8. *Поляковская М.Л.* Византийский дворцовый церемониал XIV века: «театр власти». – Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2011.
9. *Сазонова Н.И.* «Шествие на осляти» в России XVI–XVII вв.: содержание и смысловые трансформации // Праксима. Проблемы визуальной семиотики (ПРАΞИΜΑ. Journal of Visual Semiotics). 2015. Вып. 2 (4). С. 119-121.
10. *Стенникова П.А.* Отечественная историография церковно-театрализованного действия «Шествие на осляти» // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: Сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. Вып. 2. – С. 106-111.
11. *Стенникова П.А.* Сказания иностранцев как исторический источник о церковно-театрализованных действиях в России XVI-XVII вв. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Сб. материалов Первой Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции. – Челябинск, 2004. – С. 12-15.
12. *Стенникова П.А.* Церковно-театрализованные действия в России XVI-XVII вв. (на примере «Пещного действия» и «Шествия на осляти в вербное воскресенье»). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2006.
13. *Шаниро Б.Л.* Сакральное в царском конном выезде: нарративные источники позднего русского средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2 (56). С. 103–121.

SOURCES

1. Bruin de K. “Puteschestviya v Moskoviyu” [Travels to Muscovy]. *Rossiya XVIII v. glazami inostrantsev*. [Russia in the 18th century through the eyes of foreigners]. Leningrad, Lenizdat, 1989. P.17-188. (in Russian)
2. *Dnevnik Mariny Mnishechek* [Marina Mnishek's diary]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1995. (in Russian)
3. “*Dnevnik Maskevicha 1594-1621*” [Maskiewicz's diary 1594-1621]. *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvanze. T.1* [Tales of contemporaries about Dmitry the Impostor, V. 1]. Saint Petersburg, Academy of Sciences Printing House, 1859. P. 11-114. (in Russian)
4. “*Dnevnik Mihaila Obuhovicha*” [Mikhail Obukhovich's diary]. *Inostranzы o drevney Moskve (Moskva XV-XVII vekov)* [Foreigners about ancient Moscow (Moscow in 15th-17th centuries)]. Moscow, Stoliza, 1991. P. 335-341. (in Russian)
5. *Doneseniya poslannikov Respubliki Soedinennyh Niderlandov pri russkom dvore. Otchet Albrehta Burha I Fan Feltdrila o posolstve ih v Rossiyu v 1630 I 1631 gg* [Reports of the envoys of the Republic of the United Netherlands at the Russian court. Albert Burch and Fan Feltdril's report on their embassy to Russia in 1630 and 1631]. – Saint Petersburg, Senatskaya tip, 1902. (in Russian)
6. Franken I. “Dva svatovstva inozemnyh prinzev k velikim knyazchnam v XVII veke” [Two marriage proposals of foreign princes to Russian grand duchesses in the 17th century]. *Chteniya v imperatorskom obschestve istorii I drevnostei Rossiyskikh* [Readings at the Imperial Society of the History and Antiquities of Russia]. Moscow, Univer. Tip, 1867. No. 4. P. 1-72. (in Russian)
7. Gorsey D. *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v.* [Notes on Russia: 16th – early 17th century]. – Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1990. (in Russian)
8. “Izvestie o puteschestvii v Rossiyu I Moskvu gerzoga Gansa Mlstdshego Datsrogo” [News of the journey to Russia and Moscow of Duke Hans the Younger of Denmark]. *Chteniya v imperatorskom obschestve istorii I drevnostei Rossiyskikh* [Readings at the Imperial Society of the History and Antiquities of Russia]. 1867. Kn. 4. P. 1-56. (in Russian)
9. Kollins S. “Nyneschnee sostoyanie Rossii” [The Present State of Russia]. *Utverzhdenie dinastii* [Establishment of the Dynasty]. Moscow, Fond Sergeya Dubova; Rita-Print, 1997. P. 185-230. (in Russian)
10. Korb I.G. “Dnevnik Ioganna Georga Korba vo vremya posolstva Leopolda I v Moskovskoe gosudarstvo” [Johann Georg Korb's diary during the embassy of Leopold I to the Moscow State]. *Rozhdenie imperii* [Birth of the Empire]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1997. (in Russian)
11. Koyet B. *Posolstvo Kunrada fan-Klenka k tsaryam Alekseyu Mihaylovichu I Fedoru Alekseevichu* [The Koenraad van Klenk Embassy to the tsars Alexei Mikhailovich and Fyodor Alexeevich]. Per., vstup. St. (s. I-XXVI), prim. A.M. Lovyagina. Saint Petersburg, Arheograf. Komis, 1900. (in Russian)
12. Lizek A. “Skazanie Adolfa Lizeka o posolstve ot imperatora rimskogo Leopolda k velikomu tsaryu moskovskomu Alekseyu Mihailovichu, v 1675 godu” [Adolf Lizek's tale about the embassy from the Roman Emperor Leopold to the Great Tsar of Moscow Alexei Mikhailovich, in 1675]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1837. Ch. 16, otd.2. P. 327-394. (in Russian)
13. Marzcheret Zch. *Sostoyanie Rossiyskoi imperii. Zch. Marzcheret v dokumentah I issledovaniyah: teksty, kommentarii, statii* [The State of the Russian Empire. J. Margeret in documents and studies: texts, comments, articles]. Edited by A. Brelovitch, V.D. Nazarov, P.Y. Uvarov. Moscow, Yaziki skaviyanskih kultur, 2007. (in Russian)
14. Massa I. *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [Brief information about Muscovy at the beginning of the 17th century]. Moscow, Gosudarstvennoe sozialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1936. (in Russian)
15. Meyerberg A. “Puteschestvie v Moskoviyu” [Journey to Muscovy]. *Utverzhdenie dinastii* [Establishment of the Dynasty]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, Rita-Print, 1997. Pp. 43-184. (in Russian)
16. Oleariy A. *Opisanie puteschestviya v Moskoviyu* [Description of the journey to Muscovy]. Smolensk, Rusich, 2003. (in Russian)
17. “Opisanie Rossii neizvestnogo anglichanina, sluzhvshego zimu 1557-1558 godov pri tsarskom dvore” [Description of Russia by an unknown Englishman who served at the Tsar's court during the winter of 1557-1558]. *Chteniya v imperatorskom obschestve istorii I drevnostei Rossiyskikh* [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. 1884, kn. 4, otd. 3. Pp. 12-29. (in Russian)
18. Paerle G. “Zapiski Paerle o puteschestvii iz Krakova v Moskvu I obratno, s 19 marta 1606 g. po 15 dekabrya 1608 g.” Per. s nem. Po rukopisi; predisl. I primech. N.Ustryalova” [Paerle's notes on the journey from Krakow to Moscow and back, from March 19, 1606 to December 15, 1608; Translated from German from the manuscript; foreword and notes by N. Ustralov]. *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Camozvantse. 3-e izd., ispr.* [Tales of contemporaries about Dmitry the Impostor, third edition, revised]. Saint Petersburg, Tip. Akademii nauk, 1859, ch. 1. Pp. 145-234. (in Russian)
19. Reitenfels Ya. “Skazaniya o Moskovii” [Tales of Muscovy]. *Utverzhdenie dinastii* [Establishment of the Dynasty]. Moscow, Fond Sergeya Dubova; Rita-Print, 1997. P. 231-406. (in Russian)

20. *Rossiya i Evropa glazami Orudzh-beka Bayata – Don Zchuana Persidskogo* [Russia and Europe through the eyes of Oruj-bek Bayat - Don Juan of Persia]. Translation from English, introduction, comments and instructions by O. Efendiev, A. Farzaliev. Saint Petersburg, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. (in Russian)
21. *Slovar russkogo yazika XI-XVII vv* [Dictionary of the Russian language 11th-17th cent.]. Moscow, Nauka, 1990. T.16. (in Russian)
22. Streis Ya. *Tri puteschestviya* [Three journeys]. Moscow, OGIz-Sozkegiz, 1935. (in Russian)
23. Tanner B.L. *Opisanie puteschestviya polskogo posolstva v Moskvu v 1678 godu* [Description of the journey of the Polish embassy to Moscow in 1678]. Moscow, Univ. Tip., 1891. (in Russian)

REFERENCES

1. “Kruglyi stol «Teatralnost v granizah ikusstva I za ego predelami»” [Round table “Theatricality within the boundaries of art and beyond”]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2011. No 111 (5). P. 219-230. (in Russian)
2. Kudaschov V.F., Lzchindzcholiya D.R. “«Teatralnost» kak yavlenie prazdnichnoi kulturi. Aevolyuziya ponyatiya (istoriko-sravnitelnyi analiz teoreticheskikh trudov XX-XXI vekov)” [“Theatricality” as a phenomenon of festive culture. Evolution of the concept (historical and comparative analysis of theoretical works of the 20th-21st centuries)]. *Kulturologiya* [Cultural Studies]. 2020, No 10. P. 76-82. (in Russian)
3. Lebedev L. “*Bogoslovie zemli russkoi*” [Theology of the Russian Land]. *Moskva patriarshaya* [Patriarchal Moscow]. – Moscow, Stolitsa; Veche, 1995. (in Russian)
4. Lihachov D.S. “Kanon I Molitva Angelu Groznomu voivode Parfeniya Urodivogo” [Canon and Prayer to Angel the Terrible, the commander of Parthenius the Ugly]. *Issledovaniya po drevnerusskoi literature* [Studies on Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, 1986. P. 361-378. (in Russian)
5. Nazarov V.D. “O structure «gosudareva dvora» v strtdine XVI v. (zchilzi v 1550-e gody)” [On the structure of the “sovereign’s court” in the middle of the 16th century (residents in the 1550s)]. *Obschestvo I gosudarstvo feodalnoi Rossii* [Society and State of Feudal Russia]. Moscow, Nauka, 1975. P. 40-54. (in Russian)
6. Polyakovskaya M.L. *Vizantiyskii dvortovoyi zeremonial XIV veka: “teatr vlasti”* [Byzantine palace ceremonial of the 14th century: “theatre of power”]. Yekaterinburg, Izd. Uralskogo universiteta, 2011. (in Russian)
7. Sazonova N.I. “«Schestvie na oslyati» v Rossii XVI-XVII vv.: sodержanie I smyaslovye transformatsii [“Procession on a Donkey” in Russia in the 16th–17th Centuries: Content and Semantic Transformations]. *Praksema. Problemy vizualnoi semiotiki* [Praxema. Journal of Visual Semiotics]. 2015. No 2 (4). P. 119-121. (in Russian)
8. Schapiro B.L. “Sakralnoe v tsarskom konnom vyezde: narrativnye istochniki pozdnego russkogo srednevekovya” [The sacred in the tsar’s horseback riding: narrative sources of the late Russian Middle Ages]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology, culture]. 2017. No 2 (56). P. 103-121. (in Russian)
9. Stennikova P.A. “Otechestvennaya istoriografiya zerkovno-teatralizovannogo deistva «Schestvie na oslyati»” [Domestic historiography of the church-theatricalized action “Donkey Procession”]. *Kultura I iskusstvo v pamyatnikah I issledovaniyah: Sb. Nauch. Tr.* [Culture and art in monuments and research: Collection of scientific papers]. Chelyabinsk, Izd-vo YUrGu, 2003. Vyp. 2. P. 106-111. (in Russian)
10. Stennikova P.A. “Skazaniya inostrantsev kak istoricheskiy istochnik o tserkovno-teatralizovannykh deistvah v Rossii XVI-XVII vv.” [Tales of foreigners as a historical source about church-theatrical performances in Russia in the 16th - 18th centuries]. *Traditsii I novatsii v otechestvennoy duhovnoy culture: Sb. Materialov Pervoy Yuzhno-Uralskoy mezchuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferenzii* [Traditions and innovations in domestic spiritual culture: collection of materials of the First South Ural Interuniversity scientific and practical conference]. Chelyabinsk, 2004. P. 12-15. (in Russian)
11. Stennikova P.A. *Tserkovno-teatralizovannyye deistva v Rossii XVI-XVII vv. (na primere “Peschnogo deistva” I “Schestviya na oslyati v verbnoe voskresenie”)* [Church-theatrical performances in Russia in the 16th-17th centuries (based on the example of the “Furnace Performance” and “Donkey Procession on Palm Sunday”)]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk [Author’s abstract of a PhD thesis in History]. Chelyabinsk, 2006. (in Russian)
12. Zabelin I.E. *Domaschniy bit russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyah* [Domestic life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow, Institut russkoi zivlitsazii, 2004. (in Russian)
13. *Zapadnoevropeyskie avtori XV-XVII vv. O Rossii: Materiali k bibliograficheskemu slovarju* [Western European authors of the 15th-17th centuries about Russia: Materials for a bibliographic dictionary]. Moscow, Institut Arheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2018. (in Russian)